

ЧУДЕСНАЯ БАШМАЧНИЦА

*Жестокий фарс
в двух действиях с прологом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Башмачница.

Соседка в красном.

Соседка в темно-фиолетовом.

Соседка в черном.

Соседка в зеленом.

Соседка в желтом.

Соседка.

Первая святоша.

Вторая святоша.

Пономариха.

Автор.

Башмачник.

Малыш.

Алькальд.

Дон Дроздильо.

Парень, подпоясанный кушаком.

Парень в шляпе.

Соседки, святоши, попы и народ.

ПРОЛОГ

Идет на фоне серого занавеса

Появляется а в т о р. Быстро проходит на авансцену.
В руках у него письмо.

А в т о р. Почтеннейшая публика... *(Пауза.)* Впрочем, нет, не почтеннейшая, а просто публика: не подумайте, что автор не испытывает к публике почтения, напротив, но за этим словом кроется чуть заметная дрожь боязни, что-то вроде просьбы к публике быть снисходительной к игре актеров и дарованию автора. Как только поэт перешагнул через колючую изгородь страха, который в нем всегда вызывает зрительный зал, он уже просит не благосклонности, а только внимания. Этот нелепый страх, а также то обстоятельство, что театр часто превращается в торговый дом, заставляют поэзию отойти от театра в поисках иной среды, где публике не кажется странным, что дерево, например, превращается в облако дыма, а там, где было всего три рыбы, с помощью слов и рук вдруг появляется три миллиона, и толпа утоляет ими голод. Автор решил сделать своей героиней простую Башмачницу с пылким нравом. Всюду живет и дышит поэтический образ: на этот раз автор облек его в костюм Башмачницы, придав своей пьесе характер народ-

ной побасенки или романа. Пусть не удивляют публику вспыльчивость Башмачницы и ее дикие выходы — ведь она вечно воюет: воюет с той действительностью, что ее окружает, и с фантазией, когда она становится действительностью.

Слышны крики Башмачницы: «Пустите! Иду!»

Запасись терпением. Ведь не в платье же с длинным шлейфом и невероятными перьями выйдешь ты на сцену, а в тряпье, слышишь? В костюме Башмачницы.

За сценой голос Башмачницы: «Пустите!»

Замолчи!

Занавес раздвигается. Сцена слабо освещена.

Вот так каждое утро занимается заря над городами, и те, что собрались сейчас в этом зале, покидают полуреальный мир сна, чтобы идти на рынок, а ты, волшебная Башмачница, идешь к себе домой, на сцену.

Свет становится ярче.

Начинаем! Ты выходишь со стороны улицы.

За сценой бранятся.

(Публике.) Всего хорошего. *(Снимает цилиндр, который начинает светиться изнутри зеленым светом, затем переворачивает его, и оттуда выливается струя воды. Несколько смущенно смотрит на публику и, пятясь, идет за кулисы. Насмешливо.)* Прошу прощения. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната Башмачника. Верстак и инструменты. Стены комнаты ослепительной белизны. В глубине большое окно и дверь. В окно видна улица: два ряда белых домов с серыми дверцами и оконными рамами. Справа и слева двери. Сцена залита мягким оранжевым предзакатным светом. Весь акт должен идти весело; оформление, вплоть до мельчайших деталей, должно быть выдержано в светлых тонах. С улицы входит разъяренная Б а ш м а ч н и ц а и останавливается на пороге. На ней ярко-зеленое платье. В зачесанных назад волосах две большие розы. У нее вид дикарки, и в то же время она очень женственна.

Б а ш м а ч н и ц а. Попридержи свой длинный язык, старая сплетница. Если я так поступила... если я так поступила, то по своей доброй воле... Если б ты вовремя не шмыгнула в дверь, я бы тебя, змея напудренная, оттаскала за волосы... И пусть это слышат вон те, что трусливо жмутся у окон. Лучше выйти замуж за старика, чем, как ты вышла, — за кривого. И не хочу я больше говорить ни с тобой, ни с другими... ни с кем, ни с кем! *(Входит, с силой хлопнув дверью.)* Ведь знала же я, что с этим народом нельзя разговаривать... я, я, я сама во всем виновата... мне надо было остаться дома с моим... до сих пор не могу привыкнуть... с моим мужем. Если б мне, блондинке с черными глазами, — а ведь это что-нибудь да значит, — с такой талией и с таким изумительным цветом лица, сказали, что я выйду замуж за этого... я бы себе волосы вырвала. *(Плачет.)*

Стук в дверь.

Кто это?

Молчание. Стук повторяется.

(Сердито.) Кто это?

М а л ы ш *(боязливо)*. Мир дому сему.

Б а ш м а ч н и ц а (*отворяя дверь*). Ах, это ты?
(*Умилена и расстроганна.*)

М а л ы ш. Да, сеньора Башмачница. Вы плакали?

Б а ш м а ч н и ц а. Нет. Это комар — знаешь, который пищит: «пи-и-и-и», — укусил меня в глаз.

М а л ы ш. Хочешь, я подую?

Б а ш м а ч н и ц а. Нет, сынок, уже прошло...
(*Ласкает его.*) А зачем ты пришел?

М а л ы ш. Эти лакированные туфельки стоят пять дуру; меня послали отдать их твоему мужу в починку. Это туфли моей старшей сестры, той, у которой нежный цвет лица и которая прикалывает к поясу то один бант, то другой, — у нее их два.

Б а ш м а ч н и ц а. Положи туфли вон туда, починим.

М а л ы ш. Мама велела, чтобы вы с ними обращались осторожно и не так сильно били молотком, потому что на них очень тонкий лак и он может потрескаться.

Б а ш м а ч н и ц а. Скажи матери, что мой муж без нее знает, что ему делать; хорошо, если б она так умела приготовить жаркое с перцем и лавровым листом, как мой муж умеет чинить обувь.

М а л ы ш (*плакливо*). Не сердитесь на меня, я не виноват, я каждый день учу уроки.

Б а ш м а ч н и ц а (*нежно*). Сыночек мой! Со-кровище ты мое! На тебя я не сержусь! (*Целует его.*) На, возьми эту куколку, она тебе нравится? Так бери!

М а л ы ш. Я возьму, потому что раз у вас никогда не будет детей...

Б а ш м а ч н и ц а. Кто это тебе сказал?

М а л ы ш. Моя мать вчера сказала: «У Башмачницы никогда не будет детей», — а мои сестры и ку-ма Рафаэла засмеялись.

Б а ш м а ч н и ц а (*вскипела*). А может, у меня еще скорей родятся дети, чем у твоих сестер, и по-красивей, чем у них, и от законного мужа, а не то что у твоей матери... ты вот ничего не знаешь...

М а л ы ш. Возьмите свою куколку, она мне не нужна!

Б а ш м а ч н и ц а (*успокоившись*). Нет-нет, возьми ее, сыночек... На тебя я нисколько не сержусь!

В левую дверь входит Б а ш м а ч н и к. На нем бархатный костюм с серебряными пуговицами, короткие штаны и красный галстук. Он направляется к верстаку.

Б а ш м а ч н и ц а (*Малышу*). Ну, Господь с тобой!

М а л ы ш (*испуганно*). Будьте здоровы! До свиданья! Счастливо оставаться! Deo gratias! (*Убегаем.*)

Б а ш м а ч н и ц а. До свиданья, деточка... Если б я сдохла раньше, чем родилась, на меня бы не посыпалось столько бед и напастей. Ах, эти деньги, деньги! Пусть бы отсохли руки и ослепли глаза у того, кто вас выдумал.

Б а ш м а ч н и к (*за верстаком*). Жена, ты о чем?..

Б а ш м а ч н и ц а. Это тебя не касается!

Б а ш м а ч н и к. Меня ничто не касается! Я знаю, что должен все терпеть.

Б а ш м а ч н и ц а. Я тоже все терплю... а ведь мне только восемнадцать лет.

Б а ш м а ч н и к. А мне... пятьдесят три. Поэтому я молчу и не ссорюсь с тобой... Я все понимаю!.. Пока буду работать для тебя... а там — что Господь даст...

Б а ш м а ч н и ц а (*все время стояла спиной к мужу, но тут она оборачивается и, растроганная, идет к нему. С нежностью в голосе*). Не надо, мой милый... не говори так!..

Б а ш м а ч н и к. Эх, если б мне было сорок или даже сорок пять лет!.. (*Яростно бьет молотком по ботинку.*)

Б а ш м а ч н и ц а (*вспыхнув*). Тогда я была бы твоей служанкой, ты это хочешь сказать?.. Конечно, если жена плохая... но я что ж, по-твоему, я ничего не стою?

Б а ш м а ч н и к. Жена!.. Успокойся!..

Б а ш м а ч н и ц а. Разве моя молодость и красота не стоят всех сокровищ мира?

Б а ш м а ч н и к. Жена!.. Соседи услышат!

Б а ш м а ч н и ц а. Будь проклят тот час, будь проклят тот час, когда я послушалась кума Мануэля!

Б а ш м а ч н и к. Хочешь лимонной воды?

Б а ш м а ч н и ц а. Дура я, дура, дура! (*Бьет себя по лбу.*) Какие у меня были женихи!

Б а ш м а ч н и к (*желая угодить ей*). Да, мне твои односельчане рассказывали.

Б а ш м а ч н и ц а. Односельчане! Об этом все знают. Женихи у меня были как на подбор! Но больше всех мне нравился Эмильяно... ты его знал... Он примчался на вороном коне, убранном кистями и стекляшками, в руке ивовый прут, шпоры медные, так и блестят. А какой плащ он носил зимой! Отвороты из синего сукна, шнуры золотые!

Б а ш м а ч н и к. Точно такой же был и у меня... это дорогие плащи.

Б а ш м а ч н и ц а. У тебя? У тебя был такой плащ?.. Ну что ты городишь! Ни один Башмачник во сне не видал такого плаща...

Б а ш м а ч н и к. Да что с тобой, жена?..

Б а ш м а ч н и ц а (*перебивает его*). Сватался ко мне еще один жених...

Башмачник с силой стучит молотком.

Этот был, можно сказать, сеньорите... ему тогда минуло восемнадцать лет. Подумать только: восемнадцать лет!

Б а ш м а ч н и к (*беспокойно ерзает на скамейке*). Когда-то и мне было столько же.

Б а ш м а ч н и ц а. Тебе никогда не было восемнадцать лет, а тому правда было восемнадцать, и какие он мне слова говорил!.. Послушай...

Б а ш м а ч н и к (*яростно стучит молотком*). Да замолчишь ты наконец? Хочешь не хочешь — ты моя жена, а я твой муж. Я подобрал тебя голодную, холодную, раздетую. Для чего ты за меня пошла? Сумасбродка ты, сумасбродка, сумасбродка!

Б а ш м а ч н и ц а (*встает*). Молчи! Не выводите меня из себя и занимайтесь своим делом. Какой нашелся!

Две соседки в мантильях, смеясь, проходят мимо окна.

Кто бы мог подумать, что этот старый хрыч так мне оплатит! Ну на, бей меня, бей, огрей молотком!

Б а ш м а ч н и к. Эх, жена... не заводи ты скандала, ведь под окном люди ходят! Ах ты господи.

Соседки опять показываются в окне.

Б а ш м а ч н и ц а. Срам-то какой! Дура я, дура, дура! Будь проклят кум Мануэль, будь прокляты все соседки! Дура я, дура, дура! (*Бьет себя по голове и уходит.*)

Б а ш м а ч н и к (*смотрит в зеркальце и считает морщины на лице*). Одна, две, три, четыре... тысяча. (*Прячет зеркальце.*) Да, сеньор, так вам и надо. Зачем, спрашивается, я женился? Прочитав столько романов, я должен был знать, что мужчинам все женщины нравятся, но не все мужчины нравятся женщинам. А как хорошо мне жилось! Моя

сестра, моя сестра, вот кто во всем виноват! Заладила: «Останешься один на старости лет», да то, да другое! Вот я и погиб. Чтоб ее гром разразил, упокой, Господи, ее душу.

За сценой слышны голоса.

Что это?

В окне появляется воинственно настроенная Соседка в красном с двумя дочерьми. На них тоже красные платья.

Соседка. Добрый день!

Башмачник (*почесывая затылок*). Добрый день!

Соседка. Позовите-ка свою жену. (*Дочкам.*) Перестанете вы реветь? Пусть выйдет и скажет мне в лицо то, что она болтает за спиной.

Башмачник. Ах, дорогая соседка, не устраивайте вы мне, ради самого Христа, скандалов! Что я с ней могу поделать? Войдите в мое положение: я долго не решался жениться, потому что это дело серьезное, а теперь вот — сами видите...

Соседка. Как мне вас жалко! Уж лучше бы вы женились на своей городской! А эти деревенские...

Башмачник. В доме у меня ад. Бог знает что!

Соседка. Душа разрывается на части. Такой почтенный человек!

Башмачник (*оглядываясь, не идет ли жена*). Третьего дня... разрежала окорок, который я берег на Пасху, и мы его целиком съели. А вчера весь день пробавлялись супом с петрушкой. Так вот, за то, что я позволил себе сделать ей замечание, она заставила меня выпить подряд три стакана сырого молока.

Соседка. Ведьма!

Башмачник. Так-то, соседка. Я был бы вам очень благодарен, если б вы удалились.